

СИСТЕМА ОБРАЗОВ ГЛАВНЫХ ГЕРОЕВ В РОМАНЕ В. ЛИЧУТИНА «МИЛЕДИ РОТМАН»

И.А. Костомарова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 12 октября 2015 г.

Аннотация: статья посвящена анализу нового романа В. Личутина «Миледи Ротман», системно рассматривает образы главных героев, что является актуальным для исследования динамики творчества писателя.

Ключевые слова: образ, символ, автор, традиция, фамилия, критика, роман.

Abstract: this article is dedicated to the analysis of new novel by V. Lichutin «Milady Rothman». We have examined the images of main characters in the system that is important to studying the dynamics of creativity of the author.

Key words: image, symbol, author, tradition, surname, critique, novel.

Вышедший в 2001 году роман В. Личутина «Миледи Ротман» интригует буквально с первой строчки: «Иван Жуков, что из поморской деревни Жуковой, решил стать евреем» [1, 3]. С таким явным «энергетическим посылом» (Ремизова) [2, 186] автор отправляет читателя к давно существующему в русском сознании социальному мифу о еврейском богатстве и еврейской удачливости, который становится лейтмотивом всего произведения.

Сюжет, на первый взгляд, прост. Главный герой решает сменить свою настоящую, подчеркнута русскую фамилию Жуков (к тому же отсылающую еще к чеховскому Ваньке), на «успешную» Ротман, желая в корне изменить свою судьбу, после чего новоявленный «русский еврей» после волшебного превращения планирует жить счастливо, свободно и богато. Уже исходя из этого, мы считаем, что рассматривать роман в реалистическом ключе невозможно.

Вполне симпатизирующий В. Личутину критик В. Бондаренко отметил, что весь роман читатель ждал от главного персонажа И. Ротмана «необычных подвигов, ждал, ждал — и не дождался, ушел в трясину вместе с героем...» [3].

Действительно, Иван Жуков-Ротман – противоречивый образ, чем-то напоминающий шукшинских маргиналов, а чем-то – рефлектирующих героев-интеллигентов прозы «сорокалетних». Не лишенный талантов, а конкретней – поэтической жилки, получивший хорошее образование в Москве, герой в городе не прижился: из квартиры, впрочем, как из столицы вообще, его выгнала первая жена. Однако в родной поморской деревне Жуковой Ротман тоже чужак.

«Миледи Ротман» – не первое произведение, в котором В. Личутин поднимает проблему потери

нравственных ориентиров современным человеком. Главный герой романа, безусловно, энергичная личность, растерявшаяся от безадресности собственной энергии. Его внутренне терзает невозможность реализоваться ни в крупном городе, ни на «малой родине», потому как пришло новое, «дикое время». Также для В. Личутина оказалось важным показать растерянность и неприкаянность русского интеллигента, полужавистливое желание жить «по-новому» при явном неумении так жить: «Он не умел рубить капусту, да и не знал таких полей, куда бы можно прийти без риска попасть за решетку...» [1, 16].

Путь к «еврейству» Жукова-Ротмана в романе в какой-то степени выглядит жестом отчаяния рефлектирующего героя: «А не стать ли мне, братцы, евреем?.. Счастливый же народ... Всякую личную затею скоро ставят на государственный лад, а общее дело сворачивают на себя» [1, 4].

Недолго думая, Ротман за сто рублей, отданных паспортистке, оказывается «без родовой, без памяти, без прошлого, без грехов и минувших мук» [1, 18]. Сам момент «официального» приобщения к еврейству подчеркнута обыденный («но никаких перемен к ужасу ли, к счастью ли, ни в себе, ни вовне не нашел» [1, 19]). Однако автором указывается, что в этот же день новоявленный еврей Иван Ротман ложится уже не в свою кровать-ящик, а в домовину – гроб, явное указание на то, что герой обречен.

Отметим немаловажный факт: главный герой намеренно меняет фамилию на своей малой родине, где все прекрасно знают его как Ивана Жукова. Этим он непреодолимо отделяет себя от деревенских жителей, знакомых ему с детства. Впрочем, односельчане также отдаляются от него. Автор вводит некую игру «неузнавания», как, например, в эпизоде свадьбы героя. Яков Лукич, отец Миледи, все время

рассуждает о том, что «яврей» (Ванька Жуков, который рос на его глазах!) увезет его дочь в Израиль и даже пускает по этому поводу почти блаженную слезу, предвидя якобы скорое расставание с Миледи и одновременно радуясь «завидной» судьбе дочери с Ротманом, тем самым присоединяясь к социальному мифу о евреях.

Обособляя себя от других, главный герой сам становится чужаком, вычеркнутым из жизни, людской памяти, его будто забыли. Поэтому поселковый «настоящий» еврей, банкир Гришка Фридман, которому Ротман завидует, становится для местных более близким и «своим» мужчиной, почти что русским, хотя о его национальности все, конечно, знают.

В критике по-разному восприняли фигуру главного героя: В. Бондаренко говорит о том, что «Жуков ищет выход для своего одурманенного народа» [3]. Не согласна с ним А. А. Сидорова: «Но с каких пор спасение для нации и государства стало заключаться в самоотречении?!» [4, 50].

Парадоксально, но можно согласиться с обоими критиками: Ротман, как уже отмечалось, фигура энергичная, деятельная, его невозможно представить абсолютно пассивным, плывущим по течению («А я не хочу в стаде, не хочу из корыта» [1, 20]), герой осознает себя одним из немногих, кто не хочет мириться с новым сложившимся порядком вещей, ведь «народ спит и когда-то еще проснется» [1, 20], однако он и жалеет людей: «И эх, бедные вы, бедные» [1, 20].

Жуков, став Ротманом, бунтует против многовековой покорности русского человека: «...И ты уже готов, милый, последовать моему примеру, чтобы махнуть в Израиль. Но только ты рыхлый, слабый человек, в тебе жидкости много. Надо ее выпарить, а духа нет...» [1, 154].

Такой бунт приводит к презрению к своему же народу: «Я презираю вас, русских, потому что вы позволяете бесконечно измываться над собою...» [1, 155]. Однако Ротман – сам жертва своих, обозначенных им самим же «идеалов». Смысл обретенного еврейства Жуков-Ротман видит в реализации материального преуспевания. Его практически маниакальные тренировки тела, покупка дома (важного архетипа в традиционной литературе, но намеренно искаженного в романе В. Личутина), женитьба на «первой красавице» поселка рассматриваются героем как реализация жизненной программы, являясь пародией по сути.

Игровой, пародийный момент, лежащий в основе сюжета романа, не позволяет прочесть его в реалистическом ключе. Жуков-Ротман, симулирующий сменой фамилии самостоятельность выбора жизненного пути, на самом деле, как показывает В. Личутин, становится жертвой стереотипов. Он видится то фигурой inferнальной (неискупимый грех пре-

дательства, отказа от своего рода: «а может, я и есть тот диавол» [1, 102]), то шутком («твердокаменный Ротман на людях вдруг с превеликой охотой превращался в шута» [1, 132]; «Ротман в черном парадном сюртуке с бабочкой на шее выглядел на этом чердаке клоуном» [1, 57]), то юродивым и провидцем («Ротман бредил, но взгляд колюче трезв и испытующ. Он, как юрод...» [1; 150]; «Родная моя, наша семья – это крохотная страна, удивительно похожая на огромную Россию, ныне приготовленную к распятию...» [1, 182]).

Ротман изначально обречен, автор лишает его возможности продолжить себя в сыне, фактическим отцом которого является художник-созерцатель Братилов, а смерть Ротмана в болоте, окрестности которого были с детства хорошо известны Ивану, логически завершает его земной путь.

Размышляя об образе Миледи, до замужества с Ротманом имевшую «теплые» имя и фамилию Милица Левушкина, вспомним слова литературоведа Аллы Большаковой: «Неожиданна и главная героиня романа, Россия, обратившаяся в... «Миледи Ротман»: отнюдь не «уездную барышню», а ту, что бесшабашно отдает свою красу (а вместе с ней и судьбу) заезжему молодцу. Можно сказать, перед нами — совершенно новый абрис женской души России» [5, 5].

Не отрицая высокую степень символизации образа Миледи, заметим, что героиня в главном перекликается с Жуковым-Ротманом, не случайно становясь его избранницей. Ласкающие слух имя и фамилия героини Милица Левушкина изменяются после свадьбы на очень необычные и «чужие» для поморской глубинки Миледи Ротман. Тем самым главный герой обособляется не один, миф о «еврействе» находит подтверждение не только в хмельных речах отца, но и в выборе дочери, давшей согласие на брак. Как и новоявленный Ротман, Милица, ставшая Миледи, оказывается распятой между своим истинным назначением и желанием легкого, дарового богатства. Дав согласие соединить свою судьбу с судьбой Ротмана, она не может не думать о Братилове. С одной стороны, героиня презентует себя в современном гламурном стиле: «Я для любви создана... Не красотой чтобы прельщать, а душой» [1, 42]. С другой, она же прозревает иную реальность: «Ей мерещился утренний сон: она беременная, с огромным животом лежит одна в больничной палате...» [1, 129].

Поэтому лишь отчасти прав В. Бондаренко, который в романе видит женщину, «старющуюся хоть как-то сохранить свой привычный мир, обрести мужа, родить ребенка, сохранить семью. Не получается почти ничего. За трагедией Миледи Ротман проследивается трагедия русской семьи как таковой» [3].

Думается, что роман В. Личутина более перспективно прочитать с позиции А. Большаковой, увидев-

шей в нем некое «помрачение» современной «женской души России». Отсюда и частые внешние изменения в поведении героини («душа у Милы переменчива, как осеннее небо перед Покровом: то солнце проглянет ослепительно, как зрак Господа, и тут же туча наскочит бураками...» [1; 58]), которые приводят к постоянным семейным конфликтам и скандалам. Их можно объяснить неприкаянностью и запутанностью, отсутствием твердой опоры, чувством «проживания» не своей жизни.

Критик М. Ремизова так же отмечает одиночество и обреченность героини, которой ни Ротман, ни Братиллов не в состоянии предложить необходимого для ее натуры руководства, а также гармоничной любви [2, 188]. Братиллов, как и положено русскому художнику, на протяжении всего романа нищ и непрактичен, Ротман, зацикленный на идее преуспевания, ничего иного воспринять не может: «Ты живешь для себя... меня не видишь и не слышишь... Все как-то постыло, немилостиво, безлюбовно. Не любишь ты меня, не жалеешь и понять не хочешь. Ведь я живая, я вся на одном нерве, и он вопит: любить хочу...» [1, 178].

Значительное место в романе отводится видениям и сновидениям героини. Критика увидела в них нечто мистическое, пророческое, однако мы считаем, что порой «постыдные», но «заманчивые» видения для Миледи – свидетельство распада ее личности, измены самой себе, своей сущности: «Мне кажется, что это не я живу на этом свете, а живет кто-то другой под моим именем и с моим лицом...» [1, 61].

Спившаяся после смерти мужа героиня – символ не только родного личутинского поморья, но и всей страны, увиденной автором в эпоху «безвременья». Однако финальная сцена спасения замерзающей Миледи оставляет читателю известную надежду.

Значительной фигурой романа является уже упоминавшийся нами Алексей Братиллов. Безвольный, на первый взгляд, провинциальный художник, «коему не выпало на свете удачи», играет в «Миледи Ротман» одну из ключевых ролей. Нам видится, что именно он, а не местный еврей Фридман, является главным идеологическим оппонентом Ротмана, он же порой способен довести твердокаменного «нового русского» еврея до состояния бешенства.

Главное качество Братилова, отмеченное Личутиным, его талант, рожденный любовью к родному краю: «...глаза художника сами собою шарили по округе, впитывая самую, такую неприглядную для других малость, и поразились красоте русской матери земли...» [1, 28].

Вторая важная особенность Братилова в том, что через свое творчество и процесс постоянного созидания он становится неким стражем времени: «А мы, художники, время останавливаем... Каждая картинка, даже самая никудышная, – это неповторимый отпечаток времени. Нельзя в одну реку

вступить дважды. А мы можем...» [1, 96–97]. Это самое «художественное» третье око – и дар, и скорбь героя.

Противопоставляя Братилова Ротману и любовью к родной земле, и стремлением сохранить ее такой, какой он ее созерцает, В. Личутин вписывает его в традицию русской литературы, в уже вековой спор Обломова и Штольца. По его мнению, «русский Обломов не только счастливее немца Штольца, но и куда смысленнее его, ибо, когда думает он, ему некуда торопиться, не с кем сводить счеты и нечему завидовать; ему лишь неохота переводить свои открытия на кальку практического дела» [1, 196–197].

Для Братилова презрительное в устах Ротмана слово «РАБ» расшифровывается как российская армия богоизбранных [1, 159]. Для него РАБ – «солнечный человек», не завистливый, смиренный, духовный. Это отсылает к традиционному для русской литературы и культуры образу юродивого. Как и положено юродивому в русской культуре, Братиллову открываются истины, не доступные другим. Именно в сознании Братилова возникает образ «мертвого времени», современного апокалипсиса: «У Братилова появилось чувство, что весь мир закатали в жестяную банку и жить ему осталось столько, насколько хватит воздуха... приходит конец Божьему потворству и оберегу, и мертвое время все плотнее, все безнадежнее обжимает со всех сторон островок жизни, скукоживает его, жадно обгрызая углы, как шагреновую кожу...» [1, 195–196]. На этом фоне его неприятие Ротмана, его борьба за Миледи не могут быть восприняты в плане бытового соперничества. «Мертвому времени» в таком контексте сможет противостоять лишь новая «живая жизнь»: «...пока из грядущей мглы, из вселенской пены не воскреснет новый младенец и не размотает, не размутовит из горсти песчинок, добытых со дна, новый свиток живого времени. И тогда воцарится новый человек и наступит новый отсчет лет» [1, 196].

В таком контексте важно появление младенца в романе – долгожданного сына Миледи и Братилова, как и его имя Алексей, как и дата его рождения – 23 февраля, день защитника Отечества, воина.

Подводя итог, вернемся к уже высказанной нами мысли, что роман «Миледи Ротман» невозможно рассматривать в реалистическом ключе. Опыт прежних его произведений, в которых В. Личутин, как и другие «сорокалетние», искал разрешения конфликтов своего времени вне социальной прагматики и публицистических решений, продиктовал создание развернутой метафоры того хаоса, в котором живет и который создает себе наш современник. Ему В. Личутин может противопоставить лишь провиденциальное рождение «ребенка-защитника», которому предстоит преодоление заблуждений и ошибок «отцов».

ЛИТЕРАТУРА

1. Личутин В. В. Миледи Ротман / В. В. Личутин. – М. : ИТРК, 2001. – 416 с.
2. Ремизова М. Козел отпущения / М. Ремизова // Новый мир. – № 11. – 2001. – С. 186–188.
3. Бондаренко В. Страдания русского еврея (По страницам нового романа Владимира Личутина «Миледи Ротман») / В. Бондаренко // Завтра. – № 43 (15 октября). – 2001. – Режим доступа: <http://zavtra.ru/content/view/2001-10-1671/> (дата обращения: 10.04.2015)
4. Сидорова А. А. «Скоро наступит власть мертвого времени...» (по роману В. В. Личутина «Миледи Ротман») / А. А. Сидорова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – № 1. – 2009. – С. 49–51.
5. Большакова А. Неизбывна тяга к чуду / А. Большакова // Литературная газета. – № 10 (11-17 марта). – 2015. – С. 5.

*Воронежский государственный университет
Костомарова И. А., аспирант кафедры русской
литературы XX–XXI веков, теории литературы
и фольклора
E-mail: iaflatova88@gmail.com*

*Voronezh State University
Kostomarov I. A., Post-graduate Student of the Russian
Literature of XX and XXI Centuries, Theory of Literature
and Folklore Department
E-mail: iaflatova88@gmail.com*